

-sěi и притяжательныхъ на -ī, blādī, b^uri, cālī, cēsī, cēzī, čāsti, čvārdī, drēzī, drāzī, drōzī, zēvī, gāstī, glēsī, gnīlī, grēbī, γ^ori, γrōmī, γ^udī, jācī, kāšī, krēsī, krēvī, lēbī, lēsī, lāzī, mlōdī, mnōzī, m^odrī, nāzī, nōvī, nēmī, prōstī, p^ustī, rāzī, rēzī, rēγlī, sēsī, sērī, sk^ori, slābī, slēpī, slōnī, sp^ori, srōzī, strēsī, svātī, šādī, šarī, ščerī, ščodrī, tācī, tāzī, tāpī, zlōtī, žēvī. (Lor. G. 204).

Какъ у словинцевъ, такъ приблизительно и въ другихъ діалектахъ. Только въ діалектѣ Oyhöfter Kampe мнѣ извѣстно болѣе широкое распространение сильнаго основнаго ударенія вмѣсто ожидаемаго сильнаго конечнаго, ср. Вг. S. 84.

Отношеніе къ сложенію съ приприлагательной приставкой (pře-, p̄rez-, p^ol-), приприлагательнымъ отрицаніемъ и предлогомъ на мѣсто ударенія вообще не вліяетъ. Только вотъ развѣ tācī, jācī — nījācī.

Совершенно особнякомъ надо поставить сильное конечное удареніе въ прилагательныхъ въ функціи существительныхъ на -ovā -evā, означающихъ мужчину по женщинѣ, самку по самцу: Vagnōvā, zajcēvā. Ср. рядомъ v^olōvī, zajcēvī.

§ 21. Кромѣ существительныхъ и прилагательныхъ нормальныхъ типовъ, кашубскій языкъ унаслѣдовалъ изъ праславянскаго языка нѣкоторыя существительныя и прилагательныя разнообразныхъ остаточныхъ типовъ.

Для этихъ существительныхъ и прилагательныхъ ниже даются парадигмы. Такъ какъ въ нѣкоторыхъ формахъ нѣтъ возможности съ достаточной увѣренностью опредѣлить, гдѣ грань между основой и окончаніемъ, а въ нѣкоторыхъ формахъ, за ихъ малосложностью, нѣтъ возможности съ достаточной увѣренностью квалифицировать удареніе, то парадигмы эти даются безъ обычнаго различенія шрифтовъ. Къ парадигмамъ этимъ надо замѣтить, что въ діалектахъ въ отношеніи ударенія иногда колебанія, напримѣръ, подъ вліяніемъ dō-teγ^o, p^oò-tem^u — и nà-tīm или, наоборотъ, подъ вліяніемъ na-tīm — и do-tèγ^o, p^oo-tèm^u. Можно наблюдать явленія взаимодѣйствія между формами внѣ сложенія съ предлогомъ и формами въ сложеніи съ предлогомъ.